

DOI 10.35775/PSI.2024.107.7.034

УДК 32.327

Р.А. ПОЛОНЧУК

старший научный сотрудник Центра изучения истории Китая и его отношений с Россией, кандидат политических наук, Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН),
Россия, г. Москва
E-mail: polonchuk@iccaras.ru
ORCID: 0009-0000-5495-3016

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРИСУТВИЕ КИТАЯ В РЕГИОНЕ КРАСНОГО МОРЯ

В статье проведен анализ основных внешнеполитических установок, определяющих военно-политическое присутствие КНР в регионе Красного моря. Показаны подходы китайского руководства к обеспечению обороны и безопасности в станах региона. Особое внимание уделено рассмотрению военно-технического сотрудничества КНР с данными странами.

Ключевые слова: военная политика, вооруженные силы, военное строительство, военное планирование, реформа вооруженных сил, КНР.

Создание Китаем военной базы в Джибути в 2017 году стало важным «первым шагом» для Народно-освободительной армии Китая (НОАК), которая никогда не имела базы на иностранной территории. Это также стало важной вехой в постепенного расширения присутствия НОАК в регионе Красного моря. В течение предыдущего десятилетия Китай направлял миротворцев для участия в конфликтах в нефтедобывающих государствах Судан и Южный Судан, проводил антипиратские операции в Аденском заливе и развивал военную дипломатию в этом регионе.

К моменту открытия базы в Джибути численность личного состава НОАК в этом регионе превышала 2000 человек – гораздо больше, чем в любом другом регионе за пределами Индо-Тихоокеанского региона. Хотя военный потенциал НОАК по-прежнему в основном сосредоточен в Азии, присутствие военного объекта в Красном море продемонстрировало растущую способность проецировать силу на другие регионы и позволило предположить, что в связи с защитой Китаем своих интересов за рубежом могут быть развернуты дополнительные силы [19].

Оценка присутствия Китая в регионе имеет значение по нескольким причинам:

– во-первых, аналитики все чаще рассматривают Красное море не как барьер между африканским и азиатским континентами, а как «зону безопасности», в которой конфликты охватывают обе стороны [22]. Хотя НОАК не является

крупным игроком, растущее военное присутствие Китая может повлиять на динамику конфликтов в регионе;

– во-вторых, Соединенные Штаты имеют четкие интересы в регионе, включая свободу судоходства в Красном море и его двух «узловых точках», а также стабильность прибрежных стран, которые производят значительный объем мировых поставок нефти. Военная деятельность Китая в регионе может по-разному влиять на эти интересы;

– в-третьих, уроки, которые НОАК извлекает из своего военного присутствия в регионе, могут повысить ее способность к проведению экспедиционных операций в других странах и даже могут способствовать повышению боевой эффективности частей и подразделений китайской армии в Индо-Тихоокеанском регионе, поскольку военнотружущие НОАК приобретают реальный опыт;

– в-четвертых, то, как НОАК ведет себя в Красном море, включая ее взаимодействие с американскими Вооруженными Силами (ВС), может служить индикатором того, как китайская армия может действовать на других театрах военных действий.

В настоящее время присутствие НОАК в районе Красного моря, хотя и является незначительным, создает ряд проблем, которые придется решать американским официальным лицам, включая вопросы оперативной безопасности при контакте американских и китайских сил, риски ознакомления НОАК с секретными операциями и возможностями ВС США, а также возможность снижения привлекательности США как участника обеспечения региональной безопасности по мере усиления роли Китая на этой арене. Министерство обороны США может управлять этими рисками, следуя при этом иногда упускаемому из виду принципу оборонной стратегии США: «Мы остаемся открытыми для сотрудничества там, где наши интересы совпадают» [11].

Геополитическая обстановка. Для описания роли НОАК в регионе необходимо кратко остановиться на его политической географии. В центре региона находится Красное море протяженностью 1400 миль, соединяющее Средиземное и Аравийское моря через Суэцкий канал и Баб-эль-Мандебский пролив соответственно. Ежегодно через море проходит товарооборот между Европой и Азией, оцениваемый в 700 млрд. долл. США, в том числе 6,2 млн. баррелей нефти в день (около 9% мирового объема) [20]. В регионе расположено несколько крупных нефтедобывающих стран, включая Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Оман; Судан и Южный Судан также добывают нефть в небольших количествах, а также другие природные ресурсы, такие как медь и хром. Порты на африканской стороне Красного моря, многие из которых построены странами Аравийского полуострова, дают экспортерам возможность выйти на растущий потребительский рынок Африки [21]. По прогнозам, потребительские расходы на африканском континенте вырастут с 1,4 трлн. долл. в 2015 г. до 2,5 трлн. долл. в 2030 г., причем страны, прилегающие к Красному морю, такие как Египет, Эфиопия, Кения и Судан, являются одними из крупнейших потенциальных потребительских рынков [13].

Обеспечение мира и стабильности в регионе осложняется рядом проблем. В последние годы благодаря международным усилиям сомалийское пиратство пошло на убыль, однако террористы, связанные с «Аль-Каидой» (запрещена в РФ), продолжают совершать нападения. Гражданские конфликты также происходят в Судане, Южном Судане и Йемене. Региональная нестабильность усугубляется двумя видами соперничества: борьбой за влияние между странами Персидского залива, Египтом и Турцией; между Саудовской Аравией и Ираном.

В обоих случаях региональные державы «рассматривают Африку как новую арену для соперничества и создания альянсов, особенно с учетом того, что в ближайшие годы Африканский Рог ожидает бурный экономический рост» [12]. Более того, саудовско-иранские разногласия вылились в опосредованные конфликты и привели к открытым нападениям на торговые суда, в том числе силами хуситов в Йемене [2].

Дополнительную сложность для региональной политики придает маневрирование великих держав. Россия, руководствуясь стремлением получить рыночные возможности, доступ к сырью и более обширными целями по созданию «многополярного мира», усилила свою экономическую роль и роль в обеспечении безопасности в регионе, включая планы по созданию военных баз в Судане и Эритрее [17]. Китай, как будет показано ниже, помимо интересов морской безопасности, имеет растущие торговые и инвестиционные интересы, что приводит к расширению военного присутствия. Интересы США включают борьбу с терроризмом, обеспечение стабильности мировых нефтяных рынков, противодействие стремлению Ирана к региональной гегемонии, которое отчасти защищается американским военным присутствием в Джибути и 5-м флотом ВМС США, базирующимся в Бахрейне. Столкновение интересов и влияния России, Китая и США породило предположения об обострении соперничества великих держав на этой мировой арене [7].

Расширение военного влияния Китая. Военное влияние Китая в регионе постепенно расширяется с ноября 2007 г., когда в Дарфур (Судан) прибыла первая партия китайских миротворцев. В настоящее время в регионе находится более 2000 военнослужащих НОАК, которые распределены между сухопутными войсками, участвующими в миротворческих миссиях ООН в Судане и Южном Судане, моряками, участвующими в операциях по конвоированию пиратов в Аденском заливе, и морскими пехотинцами, находящимися на первой зарубежной базе Китая в Джибути.

Миротворческая деятельность ООН. В двух миротворческих миссиях ООН в регионе (в Дарфуре (ЮНАМИД) и Южном Судане (МИСИС ООН) в разные периоды было задействовано более 1400 человек, что составляло около двух третей от общего числа китайских миротворцев во всем мире. Личный состав НОАК в обеих странах набирался из нескольких подразделений, базирующихся в районе Пекина, в заграникомандировку китайские миротворцы отправлялись на 12 месяцев [8]. Китайское присутствие в Дарфуре включает 225 инженерных и медицинских военнослужащих, в основном занимающихся строительством

и ремонтом дорог, мостов и других объектов инфраструктуры, а также оказанием медицинской помощи другим миротворцам и местным жителям [4]. С июня 2017 г. Китай также выделил эскадрилью из четырех многоцелевых вертолетов Ми-171, которые выполняют такие задачи, как воздушное патрулирование и транспортировка людей и грузов [6]. Вклад Китая в МООНЮС, начавшийся в сентябре 2011 г., включает инженерный и медицинский контингент численностью 331 человек, обязанности которого аналогичны тем, что выполняются в Дарфуре [10].

Борьба с пиратами. С декабря 2008 г. ВМС НОАК регулярно проводят антипиратские охранные операции в Аденском заливе. В ходе этих операций было защищено более 6000 китайских и иностранных судов [5]. Эта миссия возникла в результате всплеска сомалийского пиратства в середине 2000-х годов, что также подтолкнуло Организацию Североатлантического договора и Европейский союз (ЕС) к созданию антипиратского комитета в регионе, однако эта миссия все еще продолжается, несмотря на значительное снижение числа пиратских инцидентов в последние годы [18]. На сегодняшний день Китай провел более 30 операций по сопровождению, каждая из которых длится 3-4 месяца вплоть до ротации. В состав миссий обычно входят 3-4 надводных корабля: эсминцы, фрегаты, корабли материально-технического обеспечения (укомплектованные 600 и более матросами), которые привлекаются из всех трех флотов ВМС.

Начиная с 2013 г. в составе некоторых антипиратских миссий Китай также направил подводные лодки, что вызвало за рубежом широкое распространение предположений о других истинных военных целях Китая. Хотя подразделения Китая действуют самостоятельно, Пекин все же участвует в региональных механизмах координации борьбы с пиратством и обмена информацией.

База в Джибути. В августе 2017 года Китай открыл свой первый зарубежный военный объект в Джибути – крошечной африканской стране, расположенной рядом с Баб-эль-Мандебским проливом. Таким образом, Китай стал последним иностранным государством, арендовавшим базу в Джибути, наряду с США (где находится база Camp Lemonnier, на которой размещены 4000 американских военнослужащих), Францией, Японией и Италией [23]. По условиям 10-летней аренды Пекин должен ежегодно выплачивать джибутийскому правительству 20 млн долл [14]. База НОАК, по заявлению китайской стороны, предназначена для поддержки других военных мероприятий в регионе, включая миротворческие, антипиратские и гуманитарные миссии по оказанию помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий [3]. Основные объекты китайской военной базы включают: казармы; восемь ангаров; взлетно-посадочную полосу для вертолетов и беспилотных летательных аппаратов; наземные сооружения [1].

База находится в ведении механизированной пехотной роты морской пехоты НОАК, которая, помимо эксплуатации базы, проводит учения по борьбе с терроризмом с боевой стрельбой на близлежащей учебной базе [15]. Китай также строит специальный военно-морской причал в коммерческом многоцелевом

порту Дорале, который будет достаточно длинным для «одновременного приема нескольких кораблей путем размещения их друг за другом» [9].

Выводы. Китай постепенно расширяет свое военное присутствие в регионе Красного моря, имеющем критическое значение для мировой морской торговли и добычи энергоресурсов. Среди ключевых направлений деятельности – участие Народно-освободительной армии Китая в миротворческой деятельности ООН, патрулирование в целях борьбы с пиратством и новая база в Джибути.

Военное присутствие Китая – крупнейшее за пределами Индо-Тихоокеанского региона поддерживает дипломатические отношения Пекина в регионе Ближнего Востока, способствует развитию китайской торговли со странами региона. Военное присутствие в регионе способствует соблюдению интересов Китая в области безопасности на море и дает полезный опыт развертывания оперативного потенциала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018. Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, 2018.
2. **Caleb Weiss.** «Analysis: Houthi Naval Attacks in the Red Sea» // Long War Journal. August 17, 2019 // www.longwarjournal.org/archives/2019/08/analysis-houthi-naval-attacks-in-the-red-sea.php.
3. China's National Defense in the New Era. Beijing: State Council Information Office, 2019 // [complicate-us-interests](http://complicate-us-interests.com).
4. «China Sends 100 Peacekeepers to Sudan» // China Military Online. December 11, 2018 // http://english.chinamil.com.cn/view/2018-12/11/content_9375529.htm.
5. «China Sends New Naval Fleet for Escort Mission» // Xinhua. August 29, 2019 // www.xinhuanet.com/english/2019-08/29/c_138348595.htm.
6. «China's 3rd Peacekeeping Helicopter Detachment to Darfur Sets Out» // China Military Online. August 21, 2019 // http://eng.chinamil.com.cn/view/2019-08/21/content_9597189.htm.
7. **David Shinn.** «In Red Sea Region, Competing Outside Powers Complicate U.S. Interests» // USIP Analysis and Commentary. December 19, 2018 // www.usip.org/publications/2018/12/red-sea-region-competing-outside-powers.
8. **Dennis J. Blasko.** «China's Contribution to Peacekeeping Operations: Understanding the Numbers» // China Brief 16, no. 18 (December 5 2016) // <https://james-town.org/program/chinas-contribution-peacekeeping-operation-understanding-numbers/>.
9. **Erica Downs, Jeffrey Becker and Patrick de Gategno.** China's Military Support Facility in Djibouti: The Economic and Security Dimensions of China's First Overseas Base. Arlington, VA: CNA, July 2017.

10. «First Echelon of China's 10th Peacekeeping Force to S. Sudan (Wau) Sets Off» // China Military Online. September 18, 2019 // http://eng.chinamil.com.cn/view/2019-09/18/content_9627913.htm.
11. Indo-Pacific Strategy Report. Washington, DC: Department of Defense, June 1, 2019 // <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>.
12. Intra-Gulf Competition in Africa's Horn: Lessening the Impact, Report No. 206. Brussels: International Crisis Group, 2019.
13. **Landry Signé**. Africa's Consumer Market Potential: Trends, Drivers, Opportunities, and Strategies, with Chelsea Johnson. Washington, DC: Brookings Institution, December 2018.
14. **Neil Melvin**. The Foreign Military Presence in the Horn of Africa Region. Stockholm: SIPRI, 2019.
15. «PLA Base in Djibouti Conducts Anti-Terrorism Exercise» // People's Daily Online. May 15, 2018 // <http://en.people.cn/n3/2018/0515/c90000-9460275.html>.
16. **Pamela Faber**. «Great Power Competition in the Red Sea? Yes, and . . . » // CNA In-Depth. July 8, 2019 // www.cna.org/news/InDepth/article?ID=3.
17. **Paul Stronski**. Late to the Party: Russia's Return to Africa. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2019.
18. Piracy and Armed Robbery Against Ships: Report for the Period of 1 January – 30 June, 2018. London: ICC-MB, 2018 // www.icc-ccs.org/reports/2018-Q2-IMB-Piracy-Report.pdf.
19. **Timothy R. Heath**, Developments in China's Military Force Projection and Expeditionary Capabilities, Testimony Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission, January 21, 2016.
20. «The Bab el-Mandeb Strait Is a Strategic Route for Oil and Natural Gas Shipments», U.S. Energy Information Administration, August 27, 2019 // www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=41073.
21. «The UAE Is Scrambling to Control Ports in Africa» // The Economist. July 19, 2018 // www.economist.com/middle-east-and-africa/2018/07/19/the-uae-is-scrambling-to-control-ports-in-africa.
22. **Zach Vertin**. «Red Sea Rivalries: The Gulf States Are Playing a Dangerous Game in the Horn of Africa» // Foreign Affairs. January 15, 2019 // www.foreignaffairs.com/articles/east-africa/2019-01-15/red-sea-rivalries.
23. **Zach Vertin**. «Red Sea Rivalries: The Gulf, the Horn of Africa & the New Geopolitics of the Red Sea» // Brookings. January 2019 // www.brookings.edu/interactives/red-sea-rivalries/.

R.A. POLONCHUK

Senior Researcher, Center for the Study of the History of China and its Relations with Russia, PhD in Political Science, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (ICSA RAS), Moscow, Russia

CHINA'S MILITARY AND POLITICAL PRESENCE IN THE RED SEA REGION

The article analyzes the main foreign policy guidelines that determine the military-political presence of China in the Red Sea region. It shows the approaches of the Chinese leadership to ensuring defense and security in the countries of the region. Particular attention is paid to the consideration of military-technical cooperation between China and these countries.

Key words: *military policy, armed forces, military development, military planning, reform of the armed forces, China.*